

DOI: 10.31857/S013038640018579-4

© 2022 г. **Н.П. ТАНЫШИНА**

МАРИЯ ДМИТРИЕВНА НЕССЕЛЬРОДЕ: ЖЕНА КАНЦЛЕРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Scopus Author ID: 57352715900; Researcher ID: Q-9669-2016

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Аннотация. В центре внимания статьи — жизнь и деятельность графини М.Д. Нессельроде, супруги канцлера Российской империи и главы внешнеполитического ведомства графа К.В. Нессельроде. С его именем была связана целая эпоха в истории внешней политики Российской империи. Однако в сознании современников, как и в историографии, сформировалось негативное, чуть ли не карикатурное представление о его деятельности. Аналогичное мнение бытовало и относительно его супруги. Какими только оскорбительными эпитетами не награждали ее современники! Утверждали, что именно ей граф Нессельроде был обязан не только своим состоянием, но и карьерой; что Мария Дмитриевна имела власть над своим «карманным» мужем и оказывала непосредственное влияние на принимаемые им политические решения. Однако были ли эти обвинения обоснованы, и с чем было связано такое отношение? По воспоминаниям современников, и прежде всего по переписке М.Д. Нессельроде, в статье воссоздается ее психолого-политический портрет. Делается вывод, что Мария Дмитриевна была не просто женой, а настоящей помощницей и корреспондентом своего мужа. Обладая острым, проницательным умом, здраво рассуждая о людях и событиях, она не навязывала свою позицию мужу, а лишь снабжала его полезной ему информацией. Умная, властная, проницательная, влиятельная, богатая, конечно, она вызывала зависть и раздражение у окружающих, а раскрывалась только перед близкими людьми. Живя в эпоху, когда свет и политика были теснейшим образом взаимосвязаны, Мария Дмитриевна относилась к плеяде влиятельных хозяек европейских салонов.

Ключевые слова: Мария Нессельроде, Карл Нессельроде, политическая биография, внешняя политика, Российская империя, международные отношения.

N.P. Tanshina

Maria Dmitrievna Nesselrode: Wife of the Chancellor of the Russian Empire

Nataliya Tanshina, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Scopus Author ID: 57352715900; Researcher ID: Q-9669-2016

The article was written as part of the implementation of the RANEPА state assignment research programme.

Abstract. The article focuses on the life and work of Countess Maria Nesselrode, the wife of the Chancellor of the Russian Empire and the head of the Foreign Ministry, Count Karl von Nesselrode. A whole epoch in the history of the foreign policy of the Russian Empire was associated with his name. However, in the minds of contemporaries, as well as in historiography, a negative, almost caricatured view of his activities was formed. A similar opinion was formed about his wife. It was alleged that Count Nesselrode owed not only his fortune to her, but also his career; that the Countess dominated her “pocket husband” and had a direct influence on his political decisions. However, were these accusations justified, and what was the reason for such attitude? Drawing on the memoirs of contemporaries and, above all, the correspondence of Maria Nesselrode herself, the article recreates her psychological and political portrait. The author concludes that the Countess was not just a wife, but a genuine assistant and confidante to her husband. With her sharp, shrewd mind and sound judgement about people and events, she did not impose her visions and attitudes on her husband, but only provided him with useful information. Smart, domineering, insightful, influential, and wealthy, naturally, she was the envy and irritation of others, and only opened up to those closest to her. Living at a time when high society and politics were intimately linked, Maria Nesselrode was one of the most influential ladies of European salons.

Keywords: Maria Nesselrode, Karl Nesselrode, political biography, foreign policy, Russian Empire, international relations.

С именем графа Карла Васильевича Нессельроде связана целая эпоха в истории внешней политики Российской империи. Однако в сознании современников, как и в историографии, сформировалось негативное, чуть ли не карикатурное представление о его деятельности. То же можно сказать и о его супруге, Марии Дмитриевне Нессельроде¹. Злые языки утверждали, что именно ей граф Нессельроде был обязан не только своим состоянием, но и карьерой; якобы она имела власть над своим «карманным» мужем и оказывала непосредственное влияние на принимаемые им политические решения. Однако были ли эти обвинения обоснованы, и с чем было связано такое отношение?

Итак, К.В. Нессельроде женился в январе 1812 г., на 32-м году жизни. Он только что вернулся из Парижа, где занимал пост советника посольства при князе А.Б. Куракине, и император Александр I 26 октября 1811 г. назначил его своим статс-секретарем². Практически он стал исполнять обязанности главы внешнеполитического ведомства, хотя формально на этой должности продолжал числиться граф Н.П. Румянцев. Однако современники, ревниво относившиеся к карьерным успехам Нессельроде, видели в этом назначении не свидетельство заслуг молодого дипломата, а протекцию, связи или просто случайность. Так, графиня Роксандра Скарлатовна Эделинг (Эдлинг), урожденная Стурдза, оставившая заметки об эпохе, очень не любившая Нессельроде, но весьма симпатизировавшая (если не сказать больше) графу Иоанну Антоновичу Каподистрии, с которым Карл Васильевич с 1816 г. делил руководство министерством, подчеркивала, что своим назначением Нессельроде был обязан вовсе не способностям, а случаю. Якобы помощник государя, князь С.С. Гагарин, получивший место благодаря возлюбленной Александра I М.А. Нарышкиной, в итоге сам в нее влюбился и, сославшись на здоровье, удалился от двора. В результате, как писала проницательная графиня, Карла Нессельроде «выбрали на место Гагарина, женили на дочери министра финансов, и в несколько недель, прежде чем он успел опознаться, у него были богатая, ловкая жена, значительное место и сильные покровители»³. Если верить графине Эделинг, своей карьерой Нессельроде обязан случаю, а на Марии Дмитриевне его и вовсе женили без его ведома.

¹ Впервые материал о М.Д. Нессельроде был опубликован мною в книге: *Татьянина Н.П. К.В. Нессельроде. Искусство быть дипломатом.* СПб., 2021.

² *Терещенко А.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами. Ч. III. Вице-канцлеры. СПб., 1837. С. 159.

³ Из записок графини Эделинг // Русский архив. 1887. Кн. 2. С. 221.

Мария Дмитриевна Гурьева (1786–1849), дочь влиятельного министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева (1751–1825), была одной из самых богатых петербургских невест. 2 ноября 1802 г. она была пожалована во фрейлины, а 12 января 1812 г. в кавалерственные дамы ордена Св. Екатерины⁴.

Современники были зачастую несправедливы к Марии Дмитриевне, и ей от них досталось не меньше, чем ее мужу. Как писал баварский дипломат французского происхождения Оттон де Брэ⁵, «приданое этой дамы составило основу того громадного состояния, каким владеет в настоящее время граф, а ее обширное родство немало способствовало тому, что ее мужу не повредило его иностранное происхождение»⁶. «Князь-республиканец», как его называли, Петр Владимирович Долгоруков, давший крайне нелицеприятную характеристику графу Нессельроде в «Петербургских очерках», утверждал, что именно семье Гурьевых Карл Нессельроде был обязан не только своим состоянием, но и карьерой: «С 1812 по 1815 год при государе находился по делам дипломатическим статс-секретарь граф Нессельрод, определенный в эту должность сильным придворным влиянием искусных интригантов, своих тестя и тещи, графа и графини Гурьевых»⁷.

Как видим, современники не любили ни Нессельроде, ни его жену, ни ее отца. По словам О. де Брэ, Гурьев оставил министерство в расстроенном состоянии и «считался одною из самых неспособных личностей, когда-либо занимавших в России этот пост»⁸. Упрек во многом несправедливый, поскольку Д.А. Гурьев вошел в историю как реформатор и один из немногих сановников, понимавших необходимость преобразований.

Ф.Ф. Вигель, автор известных записок об этом времени, весьма не любивший Карла Васильевича, столь же негативно относился и к Д.А. Гурьеву, отмечая, что ему, выскочке, «право гражданства в аристократическом мире» дала женитьба на графине Прасковье Николаевне Салтыковой (1764–1830) и ее огромное приданое. Саму невесту Вигель тоже не пощадил, характеризуя ее как «тридцатилетнюю девку, уродливую и злую, на которой никто не хотел жениться, несмотря на ее три тысячи душ»⁹. Досталось и Марии Дмитриевне. Вот что мы читаем в «Русских портретах» великого князя Николая Михайловича: «Сильно не любивший графа Нессельроде Вигель, намекая в своих записках на его темное происхождение¹⁰ и желание посредством женитьбы на дочери графа Гурьева разбогатеть и создать себе связи в петербургском свете, попутно задевает и его невесту: “Зрелая, немного перезрелая дочь его, Мария Дмитриевна, как сочный плод висела гордо и печально на родимом дереве и беспрепятственно дала Нессельроду сорвать себя с него. Золото с нее на него посыпалось, которое для таких людей, как он, то же, что магнит для железа”»¹¹.

Главным достоинством Д.А. Гурьева Вигель иронично считал его таланты по кулинарной части: в этой области, по его словам, у Гурьева был «действительно гений изобретательный, и, кажется, есть паштеты, есть котлеты, которые носят его имя. Он давал обеды знатым новым родным своим, и только им одним; дом его стал почитаться одним из лучших, и сам он попал в число первых патрициев Петрополя»¹². Даже мы знаем

⁴ 21 апреля 1836 г. Мария Дмитриевна была назначена статс-дамой. См.: *Вел. князь Николай Михайлович Романов. Русские портреты XVIII и XIX столетий*. Т. 5. Вып. 4. СПб., 1909. С. 157.

⁵ В 1833–1835 гг. он являлся советником баварского посольства в Петербурге, в 1843–1859 гг., с перерывом в 1846–1847 гг., занимал пост посланника.

⁶ Брэ О. де. Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой, Л.В. Выскочкова. СПб., 2011. С. 400.

⁷ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1934. С. 244.

⁸ Брэ О. де. Указ. соч. С. 400.

⁹ Вигель Ф.Ф. Записки / под ред. С.Я. Штрайха. М., 2000. С. 134.

¹⁰ Имеется в виду версия П.В. Долгорукова, что настоящим отцом канцлера Нессельроде был австрийский дипломат барон Лебцельтерн; его дед, крещеный еврей, был лейб-медиком Карла VI.

¹¹ *Вел. князь Николай Михайлович Романов*. Указ. соч. С. 157.

¹² Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 134–135.

самое известное блюдо министра финансов — гурьевскую кашу. Вот и зять Гурьеву достался соответствующий: знающий толк в гастрономии. И еще одно обстоятельство, по словам Вигеля, сближало Нессельроде и Гурьева: стремление поставить на разные должности своих родственников. Например, современники утверждали, будто место посланника в Тоскане было специально создано Нессельроде для своего свояка, Алексея Васильевича Сверчкова, женатого на сестре Марии Дмитриевны, Елене, и было упразднено после смерти Сверчкова¹³.

Кроме того, и Гурьева, и Нессельроде Вигель обвинял в жажде наживы: «Все трое (третий — министр внутренних дел В.П. Кочубей. — Н.Т.) известны были алчностью к прибыли, и по всей справедливости можно почитать их у нас основателями явного поклонения златому тельцу, столь пагубного для нашей чести и нравственности»¹⁴. Карл Васильевич, действительно, стал за годы своей службы очень богатым человеком, но деньги он зарабатывал в том числе благодаря своей, говоря современным языком, предпринимательской деятельности¹⁵.

Внешне Карл Васильевич и Мария Дмитриевна были очень разными. Мария Дмитриевна была высокой, полной женщиной, перед которой маленький Нессельроде казался «карманным мужем». Вероятно, это обстоятельство не слишком его смущало. Многие современники находили Марию Дмитриевну очень некрасивой, но при этом очень умной. Первое утверждение — весьма спорное, к тому же кто-то считал ее весьма привлекательной. Второе — очевидно, и подтверждением этому являются письма графини Нессельроде, в которых проявился ее трезвый мужской ум, точные и остроумные суждения о событиях и людях. Как писал внук канцлера, Анатолий Дмитриевич Нессельроде, опубликовавший 11-томную переписку деда, графиня Нессельроде порой была предвзята; особенно она замечала ошибки тех, кого не любила; впрочем, отмечал внук, суждения бабушки чаще были справедливы¹⁶. Пр процитирую отрывок из письма Марии Дмитриевны к мужу от 13 апреля 1812 г., в котором видны самоирония и ум графини: «Ты очень хорошо сделал, женившись на старой 25-летней женщине, более молодая никогда в жизни не смогла бы любить с той же силой и с тем же постоянством»¹⁷.

Мария Дмитриевна не смущалась откровенно писать даже императорам и об императорах. Так, 18 марта 1825 г. из Флоренции она написала обстоятельное письмо императору Александру I, находившемуся тогда в Варшаве, где с грустью констатировала, что, на ее взгляд, она почему-то оказалась в немилости у государя, который вот уже второй год пренебрегает ее домом. Причем графиня сообщала государю, что написала это письмо втайне от мужа¹⁸. 25 апреля император ответил ей: «В свое оправдание скажу вам, мадам, что вот уже несколько лет как я не наношу визиты, не имея на то возможности, в силу моей все возрастающей занятости. Это моя вина, и если дело лишь в этом, то это касается и многих других, кого я посещал в прошлом, хотя и очень редко, а сейчас не посещаю вовсе. Я и не мог предположить, что вы сделаете из всего этого такой вывод, и я бесконечно сожалею, что невольно дал вам повод для печали»¹⁹.

¹³ Долгоруков П.В. Петербургские очерки... С. 150.

¹⁴ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 135.

¹⁵ Наследство жены стало основой весьма крупного состояния К.В. Нессельроде. Ему принадлежали по 5 тыс. десятин под Аккерманом, в Бессарабии, и Тамбовской губернии. В Саратовской губернии он был собственником 2 тыс. душ крепостных и еще 150 душ имел в Херсонской губернии. См.: Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 37.

¹⁶ *Nesselrode Ch. de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760—1856. T. I—VIII. Paris, 1904—1912. T. VIII. P. II.*

¹⁷ Ibid. T. IV. P. 16.

¹⁸ Ibid. T. VI. P. 221—224.

¹⁹ Ibid. P. 224—225.

Спустя 15 лет Мария Дмитриевна писала уже об императоре Николае Павловиче: «Император, у которого до сих пор нелепая мысль, что костюм влияет на того, кто его носит, более, чем когда, ненавидит фрак. Странная голова у монарха! Он пашет свою обширную землю, не сея хороших семян... Нужны на службу люди, в них у нас нет недостатка, но какая дрянь»²⁰. Или в письме от 11 июня 1843 г. она сообщала сыну Дмитрию: «Характер императора становится все тяжелее. Он держит всех приближенных в состоянии лихорадочного возбуждения, будто избалованный и ужасный ребенок, который не умеет и не хочет ничего выносить. Он уверяет, что не будет жить ни в Зимнем, ни в Аничковом дворцах; вероятно, он раскинет палатку на большой площади»²¹. В письме сыну от 10 апреля 1843 г. она отмечала, что государь жаловался на головокружение, очень беспокоился о своем здоровье и добавляла: «По правде говоря, он должен беспокоиться о том, что сбился с верного пути; он начинает замечать, что ему ни в чем не везет, что все идет не так, и раздражается вместо того, чтобы хорошенько поразмыслить и исправиться»²².

Весьма критически отзывалась Мария Дмитриевна и о подчиненном своего мужа, а потом преемнике на посту главы внешнеполитического ведомства, Александре Михайловиче Горчакове: «Теперь, когда я узнала Горчакова получше, я убедилась, что он не должен занимать никакого важного поста. Конечно, у него есть способности, но он так волнуется, что все портит, и его не любят ни коллеги, ни общество. Он утомляет короля (речь идет о государе Королевства Обеих Сицилий. — *Н.Т.*). Я не думаю, что он подходит для Неаполя, и жалко, если ему дадут этот пост»²³.

Супруги, столь разные как внешне, так и по темпераменту, на мой взгляд, отлично дополняли друг друга. Как отмечал Оттон де Брэ, «графиня имеет, по-видимому, все преимущества и недостатки, каких нет у графа; по складу ума и в обхождении она надменна и повелительна, имеет обо всем свое собственное вполне определенное мнение и подчиняется своим симпатиям и антипатиям. В этом отношении супруги удивительно дополняют друг друга»²⁴. Правда, баварский дипломат полагал, что в рамках салонного общения «графиня Нессельроде не отличалась ни радушием, ни любезностью»²⁵.

Если Оттон де Брэ считал Марию Дмитриевну помощницей графа, то князь Долгоруков — злым гением: «Жена канцлера, женщина ума недалекого, никем не любимая и не уважаемая, взяточница, сплетница и настоящая баба-яга, но отличавшаяся необыкновенною энергиею, дерзостью, нахальством, и посредством этой дерзости, этого нахальства державшая в безмолвном и покорном решпекте петербургский придворный люд»²⁶.

Что касается взяток, то, по словам князя Долгорукова, ни одно назначение по ведомству иностранных дел не могло состояться без «подарка» Марии Дмитриевне, и об этом знал даже император Александр I, будто бы осведомившийся однажды у графа Шувалова, «сколько он подарил графине Нессельрод»²⁷. Правда, во взяточничестве П.В. Долгоруков обвинял буквально всех.

Известный советский исследователь творчества А.С. Пушкина П.Е. Щеголев собрал мемуарные отзывы о графине Нессельроде и, сравнивая характеристику, данную ей Долгоруковым, с другими суждениями, пришел к такому выводу: «Резким отзывам Долгорукова можно верить, ибо в конечном счете основные черты характера графини изображены

²⁰ Архив графа Нессельроде 1840—1846 // Исторический вестник. 1910. № СХХ (120). С. 1077.

²¹ *Nesselrode Ch. de. Op. cit.* Т. VIII. Р. 279.

²² *Ibid.* Р. 208.

²³ Архив графа Нессельроде 1840—1846. С. 1081.

²⁴ *Брэ О. де.* Указ. соч. С. 403.

²⁵ Там же.

²⁶ *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки... С. 207.

²⁷ Там же. С. 188.

так же и в отзывах ее поклонников»²⁸. При этом на страницах книги «Дуэль и смерть Пушкина» П.Е. Щеголев приводит и положительные высказывания современников о Марии Дмитриевне, в частности Альфреда Фаллу, барона М.А. Корфа, князя П.П. Вяземского, однако называет эти характеристики «выспренними» и «грешащими одинаковым гиперболизмом», а князю Долгорукову верит безоговорочно как человеку, отлично знавшему высший свет и двор.

* * *

Так почему Марию Дмитриевну не любили современники? Думаю, по причине ее влияния, богатства, положения в обществе, независимого склада ума и острого языка, а также интриг, которые она якобы плела в своем петербургском салоне, пользовавшемся большой известностью среди столичной элиты и дипломатического корпуса. Мария Дмитриевна была умной, живой собеседницей — а это главные качества успешной хозяйки салона, при этом красота для *salonière* — дело второстепенное, более того, она вовсе не нужна, дабы не отвлекать внимание от беседы. Как отмечалось в «Русских портретах», Мария Дмитриевна «была вполне светской женщиной, гостеприимной и любезной в обращении; нессельродовские обеды и повара славились по всей Европе»²⁹.

Марию Дмитриевну не любят пушкинисты: она была дружна с бароном Геккерном, приемным отцом Дантеса, и, по некоторым сведениям, именно в ее салоне плелась интрига, приведшая к дуэли Пушкина с Дантесом. Эту версию развивал П.Е. Щеголев, отмечая, что Мария Дмитриевна «судачила с Геккереном о семейных делах Пушкина, она была поверенной сердечных тайн Дантеса», а после дуэли «графиня Нессельроде грудью стояла за Геккеренов во время военно-судного процесса, вплоть до отъезда семьи Геккеренов»³⁰. Более того, Щеголев писал, что в 1927 г. советский исследователь В. Гольцев на основании записок некоего князя А.М. Голицына, написанных в XX в., сделал вывод, что автором анонимного письма является графиня Нессельроде³¹.

Но все это предположения. Что касается автора анонимного пасквиля, то Щеголев, основываясь на экспертизе почерка, доказывал, что им был князь Долгоруков. Подозрение падало на князя И.С. Гагарина, хотя впоследствии эти подозрения не подтвердились.

Александр Сергеевич Пушкин, служивший с 1831 по 1834 г. в Коллегии иностранных дел (с дозволением работать в архиве «для извлечения материалов по истории Петра Великого и к прочтению дела о пугачевском бунте»³²), графиню Нессельроде не любил, отзываясь о ней так: «Ужасна и опасна»³³. Павел Петрович Вяземский, сын князя Петра Андреевича, так писал об отношении поэта к Марии Дмитриевне: «Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитического олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски»³⁴. В то же время, продолжает Вяземский, «женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ее, графа Гурьева, бывшего министром финансов в царствование императора Александра I»³⁵. Кроме того, для Марии Дмитриевны Пушкин оставался «un ami du quatorze», другом декабристов. Как видим, «теплые» чувства друг к другу питали обе стороны.

²⁸ Там же. Примечания. С. 409.

²⁹ Вел. князь Николай Михайлович Романов. Указ. соч. С. 157.

³⁰ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд. М., 1987. С. 390—391.

³¹ Там же. С. 392.

³² Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главных архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг./ сост. Н.А. Гастфрейнд. СПб., 1900. С. 17.

³³ Долгоруков П.В. Петербургские очерки... С. 409.

³⁴ Цит. по: Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 388.

³⁵ Там же. С. 562.

Салон, даже в России, — это не просто интеллектуальное, литературное и культурное пространство, но и пространство политическое. И поэтому положение в салоне, благосклонность хозяйки или ее отсутствие — все это было весьма важным. К тому же общение в салоне — это серьезный канал обмена мнениями и источник информации. Поэтому роль Марии Дмитриевны как хозяйки салона была весьма велика.

Несмотря на замечание баварского дипломата Оттона де Брэ, что влияние Марии Дмитриевны проявлялось «более относительно личностей, нежели относительно событий»³⁶, на мой взгляд, оно было весьма велико. Например, ледяной прием прославленного французского писателя Оноре Бальзака, прибывшего в Петербург в 1843 г., был оказан именно в столичных салонах, о чем Мария Дмитриевна писала сыну Дмитрию 24 июля 1843 г.: «Тот, кто лучше всех описывает чувства женщин, Бальзак, оказавшись у нас, очень удивлен, я полагаю, тем, что никто не ищет знакомств с ним. Никто, насколько, по крайней мере, мне известно, не сделал ни малейшей попытки увидеть его. Он осуждает работу Кюстина, возможно, так оно и есть, но не следует его считать искренним»³⁷. Как отмечал известный советский литературовед Л.П. Гроссман, «в Петербурге, где вся общественная жизнь строго регламентировалась органами власти, это сообщение Нессельроде свидетельствует о каких-то высших указаниях. Петербургскому свету было, очевидно, предписано игнорировать Бальзака»³⁸. Бальзак, как известно, приехал в Россию «не вовремя», а именно сразу после выхода в свет книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Поэтому он был на сильнейшем подозрении у властей и как бы отвечал перед ними за Кюстина, отсюда и ледяной прием столичного света, в результате чего Бальзак уехал из России крайне разочарованным. Не уверена, что Мария Дмитриевна была в курсе «высших указаний», но важен сам факт, что салон — эффективное средство формирования мнения, не общественного, конечно, но придворно-аристократического, однако для политики и дипломатии это было весьма важным.

В целом, салон Марии Дмитриевны являлся пространством дипломатическим, местом притяжения дипломатического корпуса. Дипломаты бывали особенно частыми гостями в политическом салоне Марии Дмитриевны, а также в салоне ее матери, графини Прасковьи Николаевны Гурьевой. Например, в 1816 г. французский дипломат Ж. де Ноайль часто там встречал Карла Васильевича, пользуясь возможностью поговорить с ним в неофициальной обстановке³⁹. Именно в этом салоне впервые встретила Карла Васильевича графиня Дарья Федоровна Фикельмон, более известная как Долли Фикельмон, внучка фельдмаршала М.И. Кутузова и супруга австрийского посла К.-Л. Фикельмона, сама хозяйка влиятельного и популярного петербургского салона. В конце июня 1829 г. Долли прибыла с мужем в Петербург из Европы, а 22 июля записала в дневнике: «С той поры провела один вечер у мадам Гурьевой, где познакомилась со всем дипломатическим корпусом»⁴⁰.

Первое впечатление Долли о Марии Дмитриевне было неблагоприятным: «Досадно, что при таком уме и таком сердце у нее столь мало привлекательная внешность»⁴¹. В другой раз она записала: «Графиню Нессельроде, у которой иногда бываю на вечерах, не назовешь любезной хозяйкой. Она очень умна и умеет, когда пожелает, быть

³⁶ Брэ О. де. Указ. соч. С. 403.

³⁷ Nesselrode Ch. de. Op. cit. Т. VIII. Р. 217–218.

³⁸ Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937. С. 202.

³⁹ Гончарова Т.Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017. С. 172.

⁴⁰ Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. С. 53.

⁴¹ Там же. С. 82.

интересным собеседником, но постоянно озабочена, часто слишком погружена в свои мысли и всегда чересчур рассеянна»⁴².

Но потом взгляд Долли на Марию Дмитриевну изменился. 21 декабря 1831 г. она записала: «Мадам Нессельроде, которую я довольно долго находила неприятной, начинает подкупать меня. Под этой ледяной оболочкой и весьма мужеподобными формами кроется довольно теплое сердце. Как жаль, что внешность человека так влияет на отношение к нему!»⁴³.

О том, что Мария Дмитриевна высокомерна и холодна только на первый взгляд, писал и Альфред Фаллу, известный французский политический деятель, биограф Софьи Петровны Свечиной, хозяйки влиятельного литературного салона в Париже, с которой была близка графиня Нессельроде: «Великосветские манеры, которым я удивлялся в австрийском канцлере, достались в удел графине Нессельроде; ее лицо и рост были благородны и внушительны. Те, кто видел ее на короткое время и официально, сделали ей репутацию упрямой и жесткой женщины. Но это ошибка и несправедливость... Графиня при дворе и даже в глазах императорской фамилии пользовалась моральным авторитетом, независимо от ее высокого положения»⁴⁴.

Однако к салону Марии Дмитриевны отношение Долли не изменилось. 13 апреля 1832 г. она записала: «В воскресенье маленький вечер у мадам Нессельроде, тягостный и несуразный»⁴⁵. Или 17 ноября 1832 г.: «Мадам Нессельроде организовала для нас два-три вечера, не очень многолюдных, таких же малооживленных и весьма докучных, как и в прошлом году»⁴⁶. Или запись от 1833 г.: «В четверг — один из самых мрачных вечеров у Нессельроде. В пятницу маленький вечер у нас — исключительно веселый, с оживленными разговорами»⁴⁷.

На мой взгляд, такое отношение Долли к салону графини Нессельроде — следствие конкуренции между хозяйками салонов. Салон Долли Фикельмон, как и салон Марии Дмитриевны, был очень популярен в столичном обществе и тоже пользовался особым успехом в дипломатических кругах.

А как относились к мадам Нессельроде прославленные хозяйки парижских салонов? Одна из них, хозяйка влиятельного парижского салона времен Реставрации и Июльской монархии графиня Адель де Буань, отмечала, что Мария Дмитриевна оказывала исключительное влияние на своего супруга, была особой холодной и уверенной в себе, но в то же время ревниво относилась к конкуренции и не терпела в своем окружении сильных женщин. Мадам де Буань знала Карла Нессельроде еще со времен его пребывания в Гааге и была с ним в дружеских отношениях, а сам Нессельроде через Поццо ди Борго всегда передавал ей свои заверения в дружбе и интересовался новостями от нее. Но вот Мария Дмитриевна, по ее словам, была к ней весьма не расположена и не скрывала этого⁴⁸.

На мой взгляд, наиболее обстоятельную характеристику дал Марии Дмитриевне барон М.А. Корф: «По необыкновенному уму своему и высокому просвещению, и особенно по твердому, железному характеру, была, конечно, одною из примечательнейших, а по общественному своему положению и влиянию на высший петербургский круг одною из значительнейших наших дам в царствование императора Николая. С суровою наружностью, с холодным и даже презрительным высокомерием ко всем мало ей знакомым, или приходившимся ей не по нраву, с решительною наклонностью владычествовать и первенствовать, наконец, с нескрываемым пренебрежением ко всякой личной

⁴² Там же. С. 136.

⁴³ Там же. С. 186.

⁴⁴ Цит. по: *Шеголев П.Е.* Указ. соч. С. 386.

⁴⁵ *Фикельмон Д. Ф.* Указ. соч. С. 210.

⁴⁶ Там же. С. 136.

⁴⁷ Там же. С. 262.

⁴⁸ *Boigne A. de. Mémoires de la comtesse de Boigne.* Т. 1. Paris, 2006. P. 397.

пошлости или ничтожности, она имела очень мало настоящих друзей, и в обществе, хотя созидавая и разрушая репутации, она влекла всегда за собою многочисленную толпу последователей и поклонников; ее, в противоположность графу Бенкендорфу, гораздо больше боялись, нежели любили. Кто видел ее только в ее гостиной, прислоненную к углу дивана, в полулежащем положении, едва приметным движением головы встречающую входящих, каково бы ни было их положение в свете, тот не мог составить себе никакого понятия об этой необыкновенной женщине, или разве получал о ней одно понятие, самое невыгодное. Сокровища ее ума и сердца, очень теплого под этой ледяною оболочкою, открывались только для тех, которых она удостоивала своею приязнью; этому небольшому кругу избранных, составлявших для нее, так сказать, общество в обществе, она являлась уже везде и во всех случаях самым верным, надежным и горячим, а по положению своему и могущественным другом. Сколько вражда ее была ужасна и опасна, столько и дружба — я испытал это на себе многие годы — неизменна, заботлива, охранительна, иногда даже до ослепления и пристрастия. Совершенный мужчина по характеру и вкусам, частию и занятиям, почти и по наружности, она, казалось, преднамеренно отклоняла и отвергала от себя все, имевшее вид женственности. Так и самый разговор ее вращался всегда в предметах, обыкновенно находящихся вне круга дамских бесед. Она любила говорить о серьезной литературе, о высшей администрации и политике — более, однако, внутренней, чтобы не компрометировать случайно своего мужа, — о государственных наших людях, о действиях правительства и о новых его постановлениях, соединяя в себе, впрочем, две противоположности: беспредельную преданность не только монархическому началу, но и царственному нашему дому, с самою взыскательною оппозициею против распоряжений правительства и даже против личных действий его членов, так что великий князь Михаил Павлович, никогда не жаловавший графини, говоря о ней, называл ее в шутку: *Ce bon Monsieur de Robespierre*. При большой резкости в мнениях и приговорах графиня была большею частию основательна в своих суждениях и чрезвычайно счастлива на меткие слова, умные наблюдения, тонкие и оригинальные замечания. Но все это она оставляла для своего тесного кружка, а в свете сохраняла редко прерываемое молчание и самое аристократическое спокойствие. Салон графини Нессельроде, после смерти соперничавшего с ней в этом отношении князя Кочубея, был неоспоримо первый в С.-Петербурге; попасть в него, при его исключительности, представляло трудную задачу; удержаться в нем, при разборчивости и уничижительной гордости хозяйки, было почти еще мудренее; но кто водворился в нем, тому это служило открытым пропуском во весь высший круг. В некоторые зимы она принимала ежедневно; но два приемные дня в неделю были уже постоянно»⁴⁹.

П.Е. Щеголев, приводя эту цитату, к сожалению, выделяет особо лишь одну фразу: «вражда ее была ужасна и опасна». На мой же взгляд, да простит читатель мне такую обширную цитату, барон Корф создал очень точный психологический портрет Марии Дмитриевны, и при прочтении ее писем вырисовывается именно такой образ. Ее письма, адресованные разным лицам, в том числе мужу и сыну, опубликованные внуком канцлера, являются ценнейшим источником информации. Характерно, что внук опубликовал письма с купюрами, оставляя в письмах бабушки фрагменты, по его словам, связанные с политикой или представляющие исторический интерес. Из писем деда он убрал лишь моменты, связанные с семейными делами.

У Марии Дмитриевны и Карла Васильевича было трое детей, сын Дмитрий, и дочери: Елена и Мария. Старшая, Елена, родилась в 1813 г., в 1832 вышла замуж за Михаила Иринеовича Хрептовича (с 1843 г. — графа), камер-юнкера, переводчика в Департаменте внешних сношений Министерства иностранных дел, впоследствии тайного советника, российского посланника в Неаполе, Турине, Брюсселе и Лондоне. Детей в браке не было.

⁴⁹ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. СII. С. 48–50.

Дмитрий Карлович (1816–1891) пошел по отцовским стопам, с 1836 г. был переводчиком и 3-м секретарем Канцелярии Министерства иностранных дел, секретарем посольства в Константинополе, впоследствии обер-гофмейстером, статским советником. В 1847 г. Дмитрий женился на Лидии Арсеньевне Закревской (1826–1884), дочери бывшего генерал-губернатора Финляндии и министра внутренних дел, в 1848–1859 гг. генерал-губернатора Москвы графа А.А. Закревского и А.Ф. Закревской. В 1850 г. у супругов родился сын Анатолий⁵⁰. Однако брак был неудачным, Лидия предпочитала вести образ жизни, свободный от светских условностей, а в 1859 г. и вовсе вышла замуж за князя Д.В. Друцкого-Соколинского, не разведясь при этом с Дмитрием Карловичем (Святейший Синод признал брак с Друцким-Соколинским недействительным)⁵¹.

Младшая дочь четы Нессельроде, Мария, родившаяся в 1820 г., вышла замуж за барона Льва Павловича (Албена-Леона) Зеебаха (1811–1888), саксонского посланника во Франции.

* * *

Медовый месяц супругов Нессельроде длился недолго: в декабре 1812 г. император Александр из Петербурга отправился в Главный штаб армии. Именно тогда Карл Васильевич был включен в свиту императора и фактически исполнял обязанности начальника Походной дипломатической канцелярии. Пока супруги были в разлуке, между ними велась постоянная переписка. Графиня, как правило, дважды в неделю, писала мужу длинные письма, где личные и семейные вопросы перемежались с политическими и светскими новостями, которые, по ее мнению, могли заинтересовать супруга.

После вступления русских войск в Париж, отречения Наполеона Бонапарта и подписания Первого Парижского трактата вместе с мужем Мария Дмитриевна оказалась в Лондоне: император Александр I вместе с лидерами союзников решил нанести визит принцу-регенту Георгу, будущему королю Георгу IV, с целью укрепить связи, оформившиеся в годы войн с Наполеоном. Для императора Александра этот визит оказался неудачным, и диалога с принцем-регентом не получилось⁵². Марии Дмитриевне Англия поначалу не понравилась. Она писала сестре Елене 17 июня 1814 г.: «Несколько больших и нескончаемых обедов отняли у меня все оставшиеся силы, и я себя чувствую совсем опустошенной. Если речь идет о праздниках и удовольствиях, то надо признать, что эта нация ничего не смыслит в этом деле. Приемы — это настоящая толчея; толкаются, чтобы потом протиснуться в маленькие комнатки, где находится в четыре раза больше людей, чем они могут вместить. Хозяйка дома мало о вас беспокоится. Теперь, зная, что собой представляют лондонские развлечения, я бы ни за что на свете не хотела здесь жить». Но графиня отмечала энтузиазм, с которым англичане встречали европейских лидеров, особенно императора Александра и его свиту: «Всякий раз у вас просили позволения пожать вам руки, и вы так ими трясли, что потом они у вас начинали болеть. Платова и Блюхера встречают как царей; повсюду, где они показываются, им поют национальный гимн; на улицах сопровождают их кареты, а в театре устраивают овации»⁵³.

Вместе с мужем Мария Дмитриевна оказалась на Венском конгрессе, на котором в перерывах между танцами и представлениями, решались судьбы Европы. Вальс был введен в моду именно на Венском конгрессе. 30 октября 1814 г. Мария Дмитриевна с легкой грустью писала сестре Елене: «Я только что поужинала в полном одиночестве; мой дорогой супруг после прекрасного обеда отправился любоваться Биготтини,

⁵⁰ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856. С. 203.

⁵¹ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 291.

⁵² Свои наблюдения об этом визите оставила Д.Х. Ливен. См.: Танышина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 33–41.

⁵³ Nesselrode Ch. de. Op. cit. Т. V. P. 195–196.

знаменитой парижской танцовщицей, покоровшей сердца всех в балете-пантомиме под названием Нина или Безумие от любви. Она танцует с таким совершенством, что это трогает душу и вызывает слезы у самых черствых людей. Что касается более чувствительных натур, то их просто выносят из их лож в бессознательном состоянии. Мой добрый Нессельрод не позволяет мне присутствовать на этом спектакле; он опасается, что на меня это может произвести очень сильное впечатление»⁵⁴. Однако вскоре участникам конгресса стало не до танцев: в Вену пришло известие о высадке Наполеона Бонапарта в бухте Жуан. 20 марта Наполеон без единого выстрела вступил в Париж. 25 марта Мария Дмитриевна писала сестре: «Вновь предстоит сражаться. Я рада, что наши войска не первыми выступили в поход. Если его смогут второй раз низвергнуть и без нашего участия, я буду очень счастлива... В каком веке мы живем, моя милая сестра! Будем надеяться, что Бог не заставит долго продолжаться эту новую борьбу. Веллингтон уезжает завтра, чтобы встать во главе своих войск в Бельгии»⁵⁵. Как видим, Мария Дмитриевна, как в воду глядела, и русские войска опоздали к битве при Ватерлоо.

Наполеоновские войны окончились. В 1816 г. К.В. Нессельроде вместе с И.А. Каподистрией стали статс-секретарями министерства, началась эпоха конгрессов Священного союза.

Конгрессы Священного союза выявили серьезные разногласия между Россией и Австрией, проявившиеся уже в ходе работы Венского конгресса. Как известно, графа Нессельроде упрекали в следовании политике Меттерниха, которого он якобы почитал как своего учителя и наставника, а князь Долгоруков называл Карла Васильевича не иначе, как «австрийским министром русских иностранных дел»⁵⁶. Между тем все было не столь однозначно, и очень быстро «ученик» научился обходиться без советов своего «учителя», хотя поначалу, а познакомились они в 1802 г., молодой дипломат Карл Нессельроде, конечно, испытывал уважение к опытному Меттерниху. А вот Мария Дмитриевна не питала к «кучеру Европы» никаких теплых чувств и, более того, считала его опасным человеком. В то время, когда русские войска в 1814 г. вступили в Париж и ее муж принимал активнейшее участие в решении судьбы Франции, 9 апреля 1814 г. она написала ему очень эмоциональное письмо, в котором, по ее собственным словам, буквально на коленях умоляла Карла быть осторожным с этим опасным человеком: «Позволь мне, дорогой друг, чистосердечно поговорить с тобой о человеке, который смог внушить тебе доверие и который его вовсе не заслуживает. Его имя начинается на ту же букву, что и имя, которым меня крестили. Ты не можешь себе представить, причиной скольких моих страданий он явился со времени нашего пребывания в Шомоне... Беги от этого человека, не верь ни единому его слову, ни одной его строчке. Это хитрый злодей, пытающийся тебя обольстить и использовать в своих целях. Он может только испытывать зависть к триумфу нашего императора, и все случившееся его скорее поразило, чем обрадовало. Твое положение блестяще, твой пост притягателен; твоё поведение, я уверена, превосходно, но, я тебя уверяю, твоё сближение с ним вызовет у тебя лишь раскаяние. Твою дружбу он обратит в оружие, направленное против тебя»⁵⁷. Проницательная Мария Дмитриевна видела Меттерниха насквозь.

Однако именно в салоне Марии Дмитриевны 22 октября 1818 г. в Ахене, во время работы конгресса Священного союза, произошла встреча Меттерниха с тогда еще графиней Д.Х. Ливен, переросшая в десятилетний роман, использовавшийся в интересах российской дипломатии⁵⁸.

По главному вопросу конгресса в Ахене, выводу оккупационных войск, между Марией Дмитриевной и Карлом Васильевичем были разногласия. Графиня Нессельроде

⁵⁴ Ibid. P. 199.

⁵⁵ Ibid. P. 204–205.

⁵⁶ Долгоруков П.В. Петербургские очерки... С. 242.

⁵⁷ Nesselrode Ch., de. Op. cit. T. V. P. 188–189.

⁵⁸ См. об этом: Танышина Н.П. Княгиня Ливен... С. 48–63.

упрекала посла России во Франции корсиканца Шарля-Андре Поццо ди Борго в том, что он вместе с главой кабинета, а прежде знаменитым генерал-губернатором Одессы и Новороссийского края дюком Ришелье, настаивал на скорейшем освобождении территории Франции, поскольку пребывание иностранных войск дестабилизировало ситуацию в стране, порождая враждебные настроения по отношению к оккупантам. Графиня же полагала, что во Франции вообще никто не жаловался на присутствие иностранцев. Более того, по ее словам, жители с радостью размещали у себя оккупационные войска, вовсе их не обременявшие, что, конечно, было далеко не так. Кроме того, она была убеждена, что, как только войска покинут территорию Франции, там разразится революция. Карл Васильевич вовсе не разделял опасений супруги: «То, что зло существует, в этом нет сомнения, но то, что ситуация может вдруг стать опасной, требующей действий иностранных держав, я так не считаю»⁵⁹.

В результате на Ахенском конгрессе Франция стала полноправным участником «европейского концерта», и уже в следующем году Мария Дмитриевна смогла совершить путешествие в Париж.

Как современники, так и исследователи зачастую упрекали Нессельроде в том, что вопросы «европейского концерта» якобы для него были на первом плане, как и для императора Александра I. Мария Дмитриевна в определенной степени разделяла это мнение соотечественников. 12(24) октября 1820 г. она писала мужу, находившемуся на конгрессе в Троппау: «Признаюсь, я не верю, что ваша ассамблея в Троппау приведет к чему-то хорошему. После конгресса в Экс-ля-Шапель (французское наименование Ахена. — Н.Т.) Европа стала в еще большей степени больной, и я боюсь предположить, что произойдет после нынешнего конгресса. Страшно подумать, что страны, менее всего готовые к принятию новых идей, подвергаются наибольшей опасности. Нет никаких сомнений, что мы находимся на кратере вулкана, и я вовсе не преувеличиваю, что только присутствие императора может нас спасти»⁶⁰. Мария Дмитриевна имела в виду внутренние проблемы в самой России, а именно восстание, произошедшее в Семеновском полку в октябре 1820 г., спровоцированное отставкой А.Я. Потемкина и назначением нового командира полковника Ф.Е. Шварца.

21 октября (3 ноября) 1820 г. графиня снова писала Карлу Васильевичу: «В настоящий момент ты занят делами, которые невозможно разрешить. И если ты хочешь знать мое мнение, то пока вы там будете прекраснородно болтать, вы не помешаете деятельности карбонариев и всевозможных секретных обществ. Лучшее, что вы можете сделать — это вернуться домой и заняться вопросами собственной безопасности»⁶¹. Более того, Мария Дмитриевна упрекала Нессельроде практически с тех же позиций, что и многие современники и историки, утверждавшие, что он жертвовал интересами России во имя абстрактной европейской стабильности. Графиня писала мужу: «Думая о пожаре, разгорающемся здесь, становится любопытным видеть вас, занимающимися в этот момент делами Европы. Все это мне напоминает слова Ветхого Завета: “Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего”»⁶².

Супруги Нессельроде переписывались часто, поскольку постоянно были в разъездах. Это было связано не только со службой, но и с их долгими путешествиями по Европе. В то время путешествия у российской аристократии входят в моду, особенно поездки на лечение на воды в Европу, тем более что пароходное сообщение из Кронштадта в Любек или Штеттин существенно облегчало и ускоряло путешествие, занимавшее примерно неделю. Отпуска Нессельроде отличались от кратковременных каникул его подчиненных — он мог себе позволить отсутствовать на протяжении нескольких летних месяцев.

⁵⁹ *Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VI. P. II.*

⁶⁰ *Ibid. P. 110.*

⁶¹ *Ibid. P. 107.*

⁶² *Ibid. P. 111.*

Несмотря на то, что здоровья был отменного и страдал лишь подагрой, на лечении в Карлсбаде (нынешние Карловы Вары) или Киссингене граф Нессельроде бывал регулярно.

Как и супруг, Мария Дмитриевна любила отдыхать подолгу. 3 апреля 1818 г. Карл Васильевич писал своему коллеге и другу Поццо ди Борго, в 1814–1834 гг. занимавшему пост посла России во Франции, о планах Марии Дмитриевны на отпуск: «Моя жена тоже планирует совершить длительное путешествие. Ее здоровье настоятельно требует оказаться на водах Карлсбада. Она туда собирается в мае. Зиму планирует провести в Италии и вернуться сюда летом 1819 года»⁶³. Мария Дмитриевна и Карл Васильевич отдыхали порознь и информировали друг друга об увиденном и услышанном. Если Мария Дмитриевна находилась в Европе, она сообщала мужу о важнейших европейских событиях; если муж был в Европе по долгу службы или на отдыхе — она сообщала ему все важные новости из России. Ее письма содержат глубокий анализ событий, свидетельницей которых она являлась, и обстоятельные портреты людей, с которыми она виделась, а это — европейская политическая элита.

Помимо того, что, часто путешествуя по Европе, она информировала супруга о важнейших политических событиях, ей нередко адресовали письма влиятельные политики и дипломаты с просьбой довести содержание письма до графа Нессельроде. Например, так поступал российский дипломат Адам Фаддеевич Матушевич, когда граф Нессельроде был в отпуске⁶⁴, или французский эллинофил Жан-Габриэль Эйнар, информировавший графиню Нессельроде о событиях в Париже и греческих делах⁶⁵. Но из этого вовсе не следует, что граф Нессельроде, как отмечал Оттон де Брэ, «полагаясь на здравый ум графини... имеет обыкновение не только беседовать с нею о делах политики, но, как говорят, зачастую советуется с нею»⁶⁶. 4 апреля 1844 г. Мария Дмитриевна писала сыну: «Ты же знаешь, твой отец не имеет привычки особо распространяться со мной на темы подобного рода»⁶⁷. В данном случае речь шла о визите императора Николая в Лондон, который граф Нессельроде одобрял, а Мария Дмитриевна — нет. Она вовсе не подчинила себе мужа, как о том судачили современники; она лишь делилась информацией и высказывала свое мнение.

Предпочитая модные курорты, как правило немецкие и английские, Мария Дмитриевна между тем нуждалась в отдыхе активном, наполненном общением и встречами. В ее понимании отдых — это продолжение работы по сбору информации. В те годы только начали входить в моду морские купания — английское новшество, введенное королем Георгом IV. 18 августа 1829 г. графиня Нессельроде писала сыну из Дьеппа: «Я иду на пляж, чтобы посмотреть на купающихся дам, и присутствую при очень комичных сценах; дети тут визжат как резанные поросята. Сегодня я посетила также баню герцогини Беррийской⁶⁸, которая ее принимала вместе с остальными страждущими. Все время играла музыка, а неподалеку находился корабль, давший двадцать один пушечный залп. Все это я могу наблюдать каждый день, но мне и одного раза хватило»⁶⁹.

⁶³ La correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo et du comte de Nesselrode. T. II. Paris, 1897. P. 432.

⁶⁴ Например, Матушевич писал графине Нессельроде 15 августа 1833 г.: «Я позволил себе сообщить вам ряд политических новостей, потому что графа Нессельроде пока не будет в Петербурге, и, беседуя таким образом с вами, я себя утешаю иллюзией, будто я все еще в вашем кабинете» // *Nesselrode Ch. de. Op. cit.* T. VII. P. 244.

⁶⁵ Ibid. P. 140–144. Письма от 28 февраля и 14 апреля 1830 г., и др.

⁶⁶ Брэ О. де. Указ. соч. С. 403.

⁶⁷ *Nesselrode Ch. de. Op. cit.* T. VIII. P. 243.

⁶⁸ Мария-Каролина герцогиня Беррийская — невестка короля Карла X, мать наследника престола герцога Бордоского, которому Карл завещал корону. После инициированного ею в 1832 г. восстания в Вандее жила за пределами Франции в австрийских землях.

⁶⁹ *Nesselrode Ch. de. Op. cit.* T. VII. P. 137.

* * *

Однако через год всем стало не до развлечений: Европу вновь накрыла революционная волна. Июльская революция 1830 г. во Франции стала катализатором революционного движения общеевропейского масштаба. После Июльской революции отношения между Россией и Францией стали весьма напряженными. Император Николай негативно относился к режиму короля Луи-Филиппа, рожденного на баррикадах. Соответственно, контакты между странами были ограничены, а император Николай и вовсе был против того, чтобы его подданные, тем более высокопоставленные, посещали Париж.

Карл Васильевич, с 1829 г. являвшийся вице-канцлером, разумеется, Парижа избегал, хотя, как отмечал внук канцлера, его дед «на протяжении всей своей жизни активно интересовался тем, что происходило на берегах Сены». В 1839 г. граф Нессельроде писал супруге из Бадена: «Меня здесь окружают французы, и чем больше я общаюсь с представителями этой нации, тем больше они мне нравятся. Почему же, взятые по отдельности, они очаровательны, но, объединяясь, становятся невыносимыми?»⁷⁰. Однако в Париже у него был свой бесценный источник информации — его собственная супруга, которая регулярно писала мужу обстоятельные письма, а точнее, настоящие аналитические записки о внутрисполитической ситуации в стране. Кроме того, в Париже у Марии Дмитриевны было немало осведомленных корреспондентов, и их информацией она также постоянно делилась с мужем.

Париж Мария Дмитриевна посещала часто, однако симпатии ее были на стороне Англии, хотя, как мы помним, в свое время находила ее скучной страной. Вот что писала Мария Дмитриевна сыну Дмитрию 9(21) августа 1831 г. из Англии: «Когда тебе исполнится семнадцать лет, ты начнешь учить английский. Чтобы хорошо понимать эту страну и чтобы наслаждаться ею, надо безупречно знать язык. Тогда ты сможешь оценить то совершенство, которое царит здесь во всем, и ту стабильность, которая здесь везде чувствуется; все это поистине удивительно. Только здесь есть действительно крупные собственники. Им принадлежит все, что только есть значительного, и какие это богатства!». Правда, Мария Дмитриевна сетовала на дороговизну английской жизни: «Если меня что и разочаровывает, так это то, что для жизни здесь нужно слишком много денег... Ничего нельзя увидеть, не дав чаевых; я удивляюсь, как еще не платят за воздух, которым дышат!»⁷¹.

Кроме того, быть в Англии аристократкой, по словам Марии Дмитриевны, — дело непростое: приходится внимательно следить за тем, что ты говоришь, поскольку в Англии сильно общественное мнение и все публикуется в газетах (графина Нессельроде ссылаясь на княгиню Ливен, которая с 1812 г. проживала в Англии с мужем-послом). Однако сама Мария Дмитриевна вовсе не собиралась придерживаться этого правила, о чем сообщала Карлу Васильевичу 21 августа (2 сентября) 1831 г.: «Я говорю, как всегда, правду, не опасаясь, понравится это кому-то или нет; это меня меньше всего волнует»⁷².

Тогда же в Дьеппе Мария Дмитриевна встретила Поццо ди Борго, который планировал совершить путешествие в Англию, но из-за напряженной международной ситуации, связанной с восстанием в Польше, отказался от этой идеи. Поскольку Поццо ди Борго не испытывал большого желания оставаться в беспокойном Париже, Мария Дмитриевна, прежде весьма критически оценивавшая Поццо ди Борго, теперь настаивала, что в интересах России, и в целом — европейской стабильности, было необходимо убедить гордого корсиканца остаться на своем посту. Она писала Карлу Васильевичу 13 (25) сентября 1831 г.: «Он очень необходим на этом месте, надо, чтобы он там остался. Он — консультант всех дипломатов; сохранить его на его посту — значит оказать услугу всей Европе. Он так привык к своей службе, что, несмотря на

⁷⁰ Ibid. Т. II. Р. 6.

⁷¹ Ibid. Т. VII. Р. 214.

⁷² Ibid. Р. 216.

отчаяние, испытываемое им при этом режиме, я сомневаюсь, что он смог бы приспособиться к спокойной жизни»⁷³.

Прошло девять лет, и Европу захлестнул новый кризис: на Востоке разгорелся конфликт между турецким султаном и его вассалом, пашой Египта Мухаммедом Али. В самый разгар Восточного кризиса, в ноябре 1840 г., Мария Дмитриевна была в Париже и обо всем увиденном и услышанном информировала мужа.

В столице Франции графиня Нессельроде активно интересовалась как политикой, так и светской жизнью, тогда эти сферы были теснейшим образом связаны. Эту черту очень тонко подметил князь П.А. Вяземский: высший свет и политика — «два сросшиеся сиамца»⁷⁴. Июльская монархия ввела моду на политику, Палата депутатов стала модным местом, активно посещаемым представителями высшего света. В Палату мог попасть любой желающий, но предварительно нужно было отстоять очередь, особенно когда должны были выступать прославленные ораторы, или получить заветный билетик от кого-то из парламентариев или дипломатов. Заседание палат князь Вяземский называл не иначе, как «утренним спектаклем»⁷⁵.

Мария Дмитриевна, конечно, бывала в опере, где граф П.П. Пален, посол России во Франции, любезно предоставил ей свою ложу, но с не меньшим энтузиазмом она посещала заседания Палаты депутатов. 26 ноября она сообщала мужу: «Я присутствовала на заседании Палаты и была до конца дискуссии по Адресу (адрес Палаты депутатов в ответ на тронную речь короля. — *Н.Т.*). Чтобы там найти место, надо было прийти в Палату в полдень, зная, что выйдешь оттуда только в шесть часов вечера». Однако, продолжала Мария Дмитриевна, «эти долгие заседания кажутся короткими, такой интерес они вызывают, и я не знаю, случались ли когда-либо еще дебаты столь же бурные, как сейчас»⁷⁶.

Спустя два дня, 28 ноября, она снова сообщала: «С полудня до шести часов я на дебатах в Палате, которые гораздо интереснее слушать, нежели читать. Непостижимо, но там теряется даром столько времени! Лишь в два часа distinguished депутаты решаются занять свои места; у них вид неприлежных учеников; после каждого выступления они совершают прогулку и с шумом возвращаются на свои места»⁷⁷.

К слову, Карл Васильевич вовсе не разделял восторгов супруги относительно того, что посещение Палаты депутатов является интересным и полезным времяпрепровождением. Он писал другу и коллеге дипломату барону К.П. Мейендорфу 13 февраля 1841 г.: «Я не желаю испытывать такого счастья, у меня это вызывает большую скуку. Чем старше я становлюсь, тем больше пустые слова вызывают у меня антипатию, и ничто лучше, чем дебаты во французской Палате, не подтверждают тот факт, что они устраиваются вовсе не для того, чтобы совершать добрые дела»⁷⁸.

Марию Дмитриевну политическая жизнь Франции увлекала; из политиков она особо выделяла Адольфа Тьера, только что отправленного королем в отставку. Как известно, Тьер был не только ведущим политиком Июльской монархии, но и ярчайшим оратором, наряду с П. Беррье, Ф. Гизо и А. Ламартином, на выступления которых трудно было достать заветный билет. Вот что графиня Нессельроде писала о Тьере-ораторе: «Тьер говорит хорошо и очень быстро; он спокоен, но иногда взрывается; я его считаю способным увлекать своим чистосердечием и личной самоотверженностью. Нельзя сомневаться, что у него много сторонников, и возможно, он еще вернется к делам»⁷⁹.

⁷³ Ibid. P. 220–221.

⁷⁴ Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937. С. 137.

⁷⁵ Там же. С. 132.

⁷⁶ Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VIII. P. 76–77.

⁷⁷ Ibid. P. 78.

⁷⁸ Ibid. P. 123.

⁷⁹ Ibid. P. 78.

Эта симпатия к Тьеру не осталась незамеченной светскими дамами Парижа. Так, например, проницательная герцогиня Доротея Дино⁸⁰ сообщала, что графиня Нессельроде приняла у себя Адольфа Тьера и была им совершенно очарована. По словам Дино, «зная увлекающуюся натуру мадам Нессельроде, можно понять ее восторженное отношение даже к Тьеру!». Правда, буквально через несколько дней она записала: «Держу пари, что мадам Нессельроде увлеклась Тьером только для того, чтобы составить фронду увлечению Ливен Гизо»⁸¹. Как известно, Дарья Ливен и Франсуа Гизо с 1837 г. и до конца смерти Ливен в 1857 г. были неразлучны, но так и не составили семейной пары. А Доротея Дино сама симпатизировала Тьеру...

В целом же, как отмечала герцогиня Дино, графиня Нессельроде за полтора месяца пребывания в Париже «не была при Дворе и, соответственно, в высшем свете, вела холостяцкий образ жизни и восхищалась своим сумасбродством. Я не уверена, что граф Нессельроде разделяет ее восторги»⁸².

В условиях напряженных российско-французских отношений в эти годы положение российского посольства было тоже весьма непростым. Если при графе Поццо ди Борго российское посольство было центром не только политической, но и светской жизни, то при графе П.П. Палене, занимавшем этот пост с конца 1834 г., ситуация изменилась, да и финансирование посольства было существенно сокращено: для царя контакты с Францией Луи-Филиппа не были приоритетными. Сам Пален в условиях обострения двусторонних отношений на фоне Восточного кризиса чувствовал себя в Париже вовсе не комфортно, о чем Мария Дмитриевна сообщала мужу 11 декабря 1840 г.: «С момента моего приезда сюда я нашла Палена очень удрученным; дела, вместо того чтобы его интересовать, возбуждают его любопытство, вызывают у него лишь скуку. Чтобы хорошо управлять делами, ему не хватает не способностей, а вкуса»⁸³. В конце 1841 г. граф Пален покинул Париж и больше к своим обязанностям не вернулся. Интересы России во Франции представлял поверенный в делах Николай Дмитриевич Киселев.

Наверное, самый интересный момент, связанный с пребыванием графини Нессельроде в Париже, — это ее присутствие на церемонии перезахоронения праха Наполеона Бонапарта, произошедшей 15 декабря 1840 г. Это была грандиозная акция, на которой был весь Париж, порядка 800 тыс. человек! Об этом событии оставили воспоминания многие современники. На Марию Дмитриевну церемония не произвела особого впечатления. Она писала Карлу Васильевичу 17 декабря 1840 г.: «Ты можешь сказать Мари (дочери. — Н.Т.), что ей нечего сказать о том, что она не присутствовала на церемонии перезахоронения останков Наполеона... Единственное чувство, которое я из нее вынесла, — это полное разочарование»⁸⁴. Мария Дмитриевна могла хорошенько разглядеть происходящее: за сто франков она сняла балкон четвертого этажа на Елисейских полях в особняке, расположенном в непосредственной близости от Триумфальной арки.

Ее поразило отсутствие какого-то религиозного трепета среди зрителей, о чем писали многие очевидцы; для парижан это было просто зрелище, спектакль: «Никаких эмоций, никакого порыва, никаких подбрасываемых в воздух шляп; я не верила своим глазам, но у этой огромной массы людей было только любопытство, ничего более». По ее словам,

⁸⁰ Герцогиня Доротея де Дино (1793–1862), герцогиня Курляндская, графиня Перигор, герцогиня Талейран и Саган — блистательная светская дама, сначала жена племянника князя Талейрана Эдмона де Перигора, а со времени Венского конгресса и вплоть до смерти Талейрана в 1838 г. — его неизменная спутница жизни, помощница, секретарь, политическая союзница. Герцогиня Дино оставила блестящую хронику политической и светской жизни Франции и Европы 1830–1860-х годов.

⁸¹ *Dino D. de. Cronique de 1831 à 1862. T. 1–4. Paris, 1909–1910. T. 2. P. 417, 422.*

⁸² *Ibid. P. 415.*

⁸³ *Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VIII. P. 83.*

⁸⁴ *Ibid. P. 88.*

вся эта пышная церемония «от начала до конца была лишь комедией»⁸⁵. А знаменитый современник событий Виктор Гюго, к этому времени страстный поклонник Наполеона Бонапарта, назвал эту церемонию «монументальной галиматией».

Марии Дмитриевне доставляло удовольствие вращаться среди самых именитых особ, о чем она не без тщеславия сообщала: «На одном обеде у Ротшильда слева от меня сидел Монталиве, с которым я все время болтала; сегодня у меня любопытный обед, а завтра — не менее интересный вечер. Когда я покину Париж, я смогу сказать, что я общалась со всеми важными персонами дня сегодняшнего и дня завтрашнего»⁸⁶. Банкир барон Дж. Ротшильд был не просто богатейшим, но и влиятельнейшим человеком; граф Монталиве — пэром Франции и ведущим политиком.

18 декабря 1840 г. она писала мужу об очередном вечере, на котором среди прочих известных политиков присутствовал Адольф Тьер: «Видя его в обществе, такого веселого и исполненного добродушия, едва ли можно себе представить, что этот маленький человек мог подвергнуть Европу опасности кровавой войны», имея в виду его воинственную риторику и политику роста вооружений после подписания Конвенции 15 июля 1840 г. При этом французы, по словам графини, несмотря на то что Тьер подверг Францию опасности войны, предпочитали именно его, а не умеренного и склонного к компромиссам Гизо. Тьер, по словам Марии Дмитриевны, «удовлетворил тщеславие французов... и я не удивлюсь, если он вернется к делам. Надеюсь, что в ходе церемонии (перезахоронения останков Наполеона. — *Н.Т.*) разразятся беспорядки, и Гизо будет вынужден уйти в отставку»⁸⁷. Между тем к власти при Луи-Филиппе Тьер, как известно, не вернулся, но спустя много лет, в отличие от Гизо, его ожидала блестящая политическая карьера — он стал первым президентом Третьей республики.

18 декабря в письме мужу графиня сделала очень интересное наблюдение: «Ты знаешь, кто вице-король и даже король во Франции? Это Ротшильд. Будучи на днях у него на ужине, я долго болтала с ним... и вывела его на свободный разговор. “Я знаю их всех (министров), — сказал он, — я их вижу ежедневно, и, если я замечаю, что проводимая ими политика противоречит интересам правительства, я иду к королю, которого могу видеть в любое время, и говорю о своих наблюдениях. Поскольку он знает, что я могу много потерять и желаю только спокойствия, он мне очень доверяет, прислушивается ко мне и принимает во внимание все, что я ему говорю”»⁸⁸.

В целом же графиня Нессельроде не верила в возможность длительного существования режима Луи-Филиппа, но полагала, что именно меркантильность французов и их стремление к материальному преуспеянию могли удержать страну от потрясений: «Материальный интерес, стремление сохранить богатство и страх потерять то, чем владеют, — вот единственные гарантии, позволяющие нам надеяться, что режим устоит. Ротшильд прав, надо щадить тщеславие французов, не надо их ожесточать, и тогда они мало-помалу успокоятся»⁸⁹.

В одном из писем, выражая негодование на немцев и берлинские газеты, печатавшие относительно русских всевозможные нелепости, графиня сообщала: «Это меня так сердит, что, несмотря на то, что я ненавижу Луи-Филиппа, я хотела бы, чтобы Россия побратски сблизилась с Францией хотя бы для того, чтобы уколоть другие нации, которые, увидев это, не замедлили бы переменить тон»⁹⁰.

Следует отметить, что Мария Дмитриевна была очень рациональна. После подписания Конвенции 15 июня 1840 г. по Восточному вопросу Россия пыталась укрепить

⁸⁵ Ibid. P. 88–89.

⁸⁶ Ibid. P. 91.

⁸⁷ Ibid. P. 92.

⁸⁸ Ibid. P. 95.

⁸⁹ Ibid. P. 96.

⁹⁰ Архив графа Нессельроде 1840–1846. С. 1076.

отношения с Великобританией, однако графиня Нессельроде относительно долгосрочного русско-английского сближения была настроена весьма скептически. Она писала мужу: «В Германии, как и во Франции, сильно сомневаются, что это согласие, которое, вроде бы, царствует между вами и англичанами, может долго продлиться; позволь мне сказать, что я разделяю это мнение. Англичане нас окружают со стороны Персии; они повсюду, где мы хотим укрепить свое влияние»⁹¹. В другом письме она сообщала Карлу Васильевичу: «По моему скромному мнению, вы слишком ласкаете англичан, которые всегда были фальшивыми братьями и бросали вас, как только вы становились им ненужными»⁹².

В конце февраля графиня Нессельроде покинула Париж, и 24 февраля Доротея де Дино записала в своем дневнике: «Мадам Нессельроде покинула Париж в восторге от своего образа жизни, от вещей и от людей»⁹³.

* * *

Еще в самом начале 1830-х годов, сразу после Июльской революции, К.В. Нессельроде полагал, что Европа вступила в полосу дестабилизации. Он с грустью писал княгине Д.Х. Ливен 1 октября 1831 г.: «Дорогая княгиня, сколько мы будем жить, столько и не будет ни мгновения спокойствия в мире. Бельгия, Греция, Польша»⁹⁴. Однако очередная революционная буря разразилась спустя 17 лет, в 1848 г. Авторитет России в это время был как никогда высок, а императора Николая даже сравнивали с Наполеоном на пике его могущества.

Не соглашусь с распространенным мнением, что за внешнеполитическими успехами Николай I и его окружение не видели серьезных внутренних проблем. Еще до революционных потрясений, 14 мая 1847 г., графиня Мария Дмитриевна писала супругу из Берлина: «Всегда были злоупотребления в нашей стране, но они никогда не были настолько вопиющими, что глаза лезут на лоб; прежде был патриотизм, которым все прикрывалось; сейчас наступает время говорить о том, что стыдливо скрывали. Я спрашиваю себя, когда мы выйдем из этого унижительного состояния?»⁹⁵.

Однако, несмотря на то что Европа была охвачена революцией, Мария Дмитриевна думала о традиционном отдыхе на водах. Граф Нессельроде писал зятю М. Хрептовичу: «В этом состоянии дел сомнительно, чтобы моя супруга поехала в Баден. Я не могу ее отправить в центр баррикад и по железной дороге со сломанными рельсами»⁹⁶. В другом письме он сообщал барону Мейендорфу: «К моему сожалению, я вынужден убедить мою жену отказаться от путешествия... А вы знаете, что для нее нет спасения вне Бадена... Следовательно, она останется в Петербурге... надо одержать победу, надо действовать быстро»⁹⁷. На отдых Мария Дмитриевна все-таки поехала, но 6 августа 1849 г. в Гастейне, в Тироле, скоропостижно скончалась от апоплексического удара. Ее тело было перевезено в Россию и предано земле в Духовской церкви Александро-Невской лавры⁹⁸.

Карл Васильевич пережил супругу на 13 лет. Ему и всей России предстояло испытать тяжелые времена, связанные с Крымской войной и поражением, выдержать обвинения в том, что он систематически предавал интересы России, хотя, напротив, он делал все, чтобы не допустить войны, предупреждая императора, что Россия могла оказаться в международной изоляции. Несмотря на то, что он сам установил срок своего выхода

⁹¹ *Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VIII. P. 84.*

⁹² Архив графа Нессельроде 1840–1846. С. 1076.

⁹³ *Dino D. de. Op. cit. T. 3. P. 28.*

⁹⁴ *Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VII. P. 173.*

⁹⁵ *Ibid. T. VIII. P. 25.*

⁹⁶ *Ibid. T. IX. P. 238.*

⁹⁷ *Ibid. P. 243.*

⁹⁸ Вел. князь Николай Михайлович Романов. Указ. соч. С. 157.

в отставку, который подходил в 1855 г., он остался на своем посту до окончания войны, тем самым взяв на себя ответственность за поражение.

В неоконченных автобиографических «Записках» граф Нессельроде писал, что супруга доставила ему «37 лет счастья»⁹⁹. Мария Дмитриевна была не просто женой, а настоящей помощницей и корреспондентом своего мужа. Обладая острым, проницательным умом, здраво рассуждая о людях и событиях, она не навязывала свою позицию мужу, а лишь снабжала его полезной ему информацией. Умная, властная, проницательная, влиятельная, богатая, конечно, она вызывала зависть и раздражение у окружающих, а раскрывалась только перед близкими людьми. Живя в эпоху, когда свет и политика были теснейшим образом взаимосвязаны, Мария Дмитриевна относилась к плеяде влиятельных хозяек европейских салонов, таких как княгиня Д.Х. Ливен, графиня Адель де Буань, герцогиня Доротея Дино, леди Джерси. Она полностью разделила и судьбу своего мужа, к которому как современники, так и исследователи относились весьма предвзято. И, как и в случае с графом К.В. Нессельроде, ее жизнь и деятельность нуждается в объективном осмыслении.

Библиография

- Архив графа Нессельроде 1840–1846 // Исторический вестник. 1910. № СХХ (120).
Брэ О. де. Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой, Л.В. Выходкова. СПб., 2011.
Вел. князь Николай Михайлович Романов. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. Вып. 4. СПб., 1909.
Вигель Ф.Ф. Записки / под ред. С.Я. Штрайха. М., 2000.
Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937.
Гончарова Т.Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.
Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937.
Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1934.
Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856.
Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. СII.
Из записок графини Эделинг // Русский архив. 1887. Кн. 2.
Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019.
Нессельроде К.В. Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Русский вестник. 1865. № 10.
Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главных архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831–1837 гг. / сост. Н.А. Гастфрейнд. СПб., 1900.
Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886.
Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде. Искусство быть дипломатом. СПб., 2021.
Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.
Тереженко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами. Ч. III. Вице-канцлеры. СПб., 1837.
Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009.
Шеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд. М., 1987.
Boigne A. de. Mémoires de la comtesse de Boigne. Т. 1. Paris, 2006.
Dino D. de. Cronique de 1831 à 1862. Т. 1–4. Paris, 1909–1910.
La correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo et du comte de Nesselrode. Т. II. Paris, 1897.
Nesselrode Ch. de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1856. Т. I–XI. Paris, 1904–1912.

⁹⁹ *Нессельроде К.В.* Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Русский вестник. 1865. № 10. С. 547.

References

- Arhiv grafa Nessel'rode 1840—1846 [Archive of Count Nesselrode 1840—1846] // Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]. 1910. № CXX (120). (In Russ.)
- Brje O. de.* Imperator Nikolaj i ego spodvizhniki [The Emperor Nicholas and his companions] // Nikolaj I: pro et contra, antologija / sost., vstup. stat'ja, komment. T.V. Andreevoj, L.V. Vyskochkova [Nicholas I: pro et contra, anthology / comp., intro. article, comment. T.V. Andreeva, L.V. Vyskochkova]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
- Vel. knjaz' Nikolaj Mihajlovich Romanov.* Russkie portrety XVIII i XIX stoletij [Grand Duke Nikolai Mikhailovich Romanov. Russian portraits of the 18th and 19th centuries]. Vol. 5. Issue 4. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)
- Vigel' F.F.* Zapiski [Notes] / pod red. S.Ja. Shtrajha. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Vjazemskij P.A.* Pis'ma P.A. Vjazemckogo iz Parizha 1838—1839 gg. [Letters of P.A. Vyazemsky from Paris 1838—1839] // Literaturnoe nasledstvo. Russkaja kul'tura i Francija. T. 31/32 [Literary heritage. Russian culture and France. Vol. 31/32]. Moskva, 1937. (In Russ.)
- Goncharova T.N.* Mezhdru Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Francii v Rossii (1814—1848) [Between Paris and St. Petersburg. Embassy of France in Russia (1814—1848)]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Grossman L.* Bal'zak v Rossii [Balzac in Russia] // Literaturnoe nasledstvo. Russkaja kul'tura i Francija. T. 31/32 [Literary Heritage. Russian culture and France. Vol. 31/32]. Moskva, 1937. (In Russ.)
- Dolgorukov P.V.* Peterburgskie ocherki. Pamflety jemigranta 1860—1867 [Petersburg essays. Pamphlets of the emigrant 1860—1867]. Moskva, 1934. (In Russ.)
- Dolgorukov P.V.* Rossijskaja rodoslovnaja kniga [Russian pedigree book]. Pt. 3. Sankt-Peterburg, 1856. (In Russ.)
- Iz zapisok barona (vposledstvii grafa) M.A. Korfa [From the notes of Baron (later Count) M.A. Korf] // Russkaja starina [Russian Antiquity]. 1900. T. CII. (In Russ.)
- Iz zapisok grafini Jedeling [From the notes of Countess Edeling] // Russkij arhiv [Russian Archive]. 1887. Book 2. (In Russ.)
- Kudriavtseva E.P.* Ministerstvo inostrannykh del Rossii vo vtoroi chetverti XIX veka [The Ministry of Foreign Affairs of Russia in the second quarter of the 19th century]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Nesselrode K.V.* Zapiski grafa Karla Vasil'evicha Nessel'rode [Notes of Count Karl Vasiljevich Nesselrode] // Russkij vestnik [Russian Bulletin]. 1865. № 10. (In Russ.)
- Pushkin. Dokumenty Gosudarstvennogo i Sankt-Peterburgskogo glavnogo arhivov Ministerstva inostrannykh del, odnosjashiesja k sluzhbe ego 1831—1837 gg. / sost. N.A. Gastfrejnd [Pushkin. Documents of the State and Saint-Petersburg Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs related to its service in 1831—1837 / comp. N.A. Gastfreind]. Sankt-Peterburg, 1900. (In Russ.)
- Rummel' V.V., Golubcov V.V.* Rodoslovnij sbornik russkikh dvorjanskih familij. T. 1 [Genealogical collection of Russian noble surnames. Vol. 1]. Sankt-Peterburg, 1886. (In Russ.)
- Tan'shina N.P.* Knjaginja Liven. Ljubov', politika, diplomatija [Princess Lieven. Love, politics, diplomacy]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Tan'shina N.P.* K.V. Nessel'rode. Iskusstvo byt' diplomatom [K.V. Nesselrode. The art of being a diplomat]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Tereshchenko A.* Opyt obozrenija zhizni sanovnikov, upravljavshih inostrannymi delami. T. I—III [The experience of reviewing the life of dignitaries who managed foreign affairs. Vol. I—III]. Sankt-Peterburg, 1837. (In Russ.)
- Fikel'mon D.F.* Dnevnik 1829—1837. Ves' pushkinskij Peterburg. Publikacija i kommentarii Svetlany Mrochkovskoj-Balashovoj [Diary 1829—1837. All of Pushkin's Petersburg / publication and comments by S. Mrochkovskaya-Balashova]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Shchegolev P.E.* Dujel' i smert' Pushkina. Issledovanie i materialy. 3-e izd. [The Duel and the death of Pushkin. Research and materials. 3 ed.]. Moskva, 1987. (In Russ.)
- Boigne A. de.* Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1. Paris, 2006.
- Dino D. de.* Cronique de 1831 à 1862. T. 1—4. Paris, 1909—1910.
- La correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo et du comte de Nesselrode. T. II. Paris, 1897.
- Nesselrode Ch. de.* Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760—1856. T. I—XI. Paris, 1904—1912.